

— Оставь здесь, — Янь Су слегка постучал пальцами по столешнице, приказывая положить принесенное. Затем, словно между прочим, добавил: — Сегодня на утреннем докладе слышал, как военный министр завел речь о разбойниках из Цинхэ. Похоже, мой августейший брат вознамерился отправить меня на усмирение этого мятежа. Ловкий ход, ничего не скажешь.

Ли Шу аккуратно поставил бумажный сверток, бросил взгляд на Цин Дай, и, как только та удалилась, вальяжно уселся на другой конец стола. Его шутливый тон исчез, уступив место серьезности:

— Ваше Высочество, не говоря уже о том, что вы только вернулись ко двору и почва под ногами еще не окрепла, вы ведь всё еще не оправились от тяжелых ран. Тот, кто лично усадил вас на это место — ваш брат, — боюсь, намеренно хочет загнать вас в тупик.

Ли Шу скользнул взглядом по человеку, лениво откинувшемуся на спинку кресла. Взгляд его потемнел: под тонким покрывалом скрывались следы ран, которые не заживут лишь от того, что их прячут от чужих глаз.

Янь Су то и дело бросал взгляд на пирожные с молоком и красной фасолью — тонкий аромат просачивался сквозь вощеную бумагу. Он невозмутимо отвел глаза, убрал руки в широкие рукава и, опустив веки, тихо произнес:

— Он — государь, я — подданный. Прикажет государь умереть — подданный не смеет ослушаться. Если брат действительно издаст указ, значит, так тому и быть, я поеду.

Ли Шу с силой хлопнул ладонью по столу. Его решимость была такой, словно он здесь хозяин, а не телохранитель. Прищурившись, он проговорил с досадой:

— Регент, вы ведь человек облеченный властью, неужели просто подчинитесь? Разбойники в Дунлине бесчинствуют уже много лет. Вы хоть раз задумывались, почему до сих пор никто не смог с ними справиться? И вы правда собираетесь взяться за эту грязную работу?

Янь Су оставался холодным и отстраненным. Ощущая горечь во рту, он взял чашку с теплым чаем и сделал глоток:

— Разбойники приносят беды народу нашего Дунлина. Раз уж брат изъявил волю, почему бы мне не пойти навстречу? Находясь на своем посту, следует исполнять свой долг. Если никто не может укротить этих негодяев, я стану первым.

— Вы... — Ли Шу запнулся и насмешливо фыркнул. — Народ, народ... Все ваши мысли лишь о народе. А когда вы томились в темнице и лишились трона, когда тот человек взошел на престол, разве хоть кто-то из этого народа вступился за вас?

Янь Су промолчал. Подняв глаза на пожелтевшие листья ивы за окном, он едва слышно

прошептал:

— Мне это не нужно.

Разве может он, Регент Дунлина, нуждаться в защите простых людей? Просто смешно.

Ли Шу тоже замолчал. Порой ему казалось, что Янь Су ведет себя как ребенок: каждый день прием лекарств превращался в битву умов — он упрямился и капризничал, боясь горечи. Стоило отвернуться, как снадобье оказывалось в горшке с бегонией, отчего листья цветка порядком пожелтели.

Но стоило этому человеку, уютно свернувшись за столом, словно кот, заговорить, как высшие сановники империи бледнели от его слов. Много ли в истории найдется правителей, которые искренне заботились бы о народе? Даже нынешний император Дунлина, прекрасно зная о разгуле бандитов, думает лишь о том, как использовать это, чтобы прижать родного брата.

Человек перед ним был изможден, но уже давно взвалил на свои плечи непосильную ношу. И эта ноша — не императорский трон, не государственная власть и не величие. Это каждый житель Дунлина. А народу нужно немного: чтобы было что есть и где жить в мире и покое.

Спустя долгое время Ли Шу тихо вздохнул:

— Вы подошли бы на ту роль куда больше, чем ваш брат.

Янь Су снял с запястья глазурированные буддийские чётки и начал перебирать их. Янтарные бусины, гладкие и теплые, оттеняли белизну его тонких пальцев. Услышав слова Ли Шу, он замер, с силой сжал чётки и промолчал.

Тот, кто был рожден для этого места, давно ушел.

Десять лет назад Наследного принца Дунлина ложно обвинили в сговоре с империей и попытке мятежа. Принц, обладавший твердым характером, поджег собственный дворец и пронзил себя мечом, чтобы доказать свою невиновность. Его кровь обагрила бушующее пламя.

Янь Су смотрел вниз, на свое отражение в гладких бусинах, в котором мерещилась прежняя, открытая улыбка брата. В беседке среди лотосов тот читал книги, и его голос звучал чисто и звонко.

Нет ничего безжалостнее императорской семьи, но и он когда-то знал тепло простых человеческих отношений. Тогда он был юн, жил беспечно и искренне. Но после того пожара остались лишь пепел, летящий в бесконечной ночи, да призрачные воспоминания — словно цветы в зеркале или луна в воде: прекрасные, но нереальные.

<http://bllate.org/book/21817/2258617>